

УДК 316.356.2

**Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat:
venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen
perhehoiva. Helsinki: väestöliitto,
väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013.
2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы:
русские иммигрантки и трансграничная забота в
семье) // Studia humanitatis borealis. 2014.**

ТИАЙНЕН-КАДИР
Татьяна
Валерьевна

*Doctor of Social Science,
кандидат исторических наук,
Университет Турку,
Тампере, Финляндия, tatiana.tiaynen@uta.fi*

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В 2013 г. Ассоциация объединений гражданского населения Финляндии (Väestöliitto) опубликовала книгу Пирьо Пёллянен «Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье». Монография представляет собой результат более чем десятилетней работы автора [6][11], завершившейся защитой докторской диссертации в Университете Восточной Финляндии. Импонирует мотивация автора «преодолеть стереотипы в отношении русских женщин-иммигранток» [12], зачастую доминирующие в средствах массовой информации и на повседневном уровне в современной Финляндии. Автор подчеркивает «феминистский», «эмансипационный» характер своего исследования, призванного «защитить» позицию русскоязычных женщин в Финляндии [12].

Социально-этнографический метод охватывает 16 интервью автора монографии с русскими иммигрантками, проживающими в Северной Карелии в Финляндии, которые состоят или состояли в браке с финскими мужчинами [76]. Теоретически и концептуально работа опирается на социологические исследования заботы и семьи, исследования миграции и трансграничные исследования, гендерный и межпоколенный контракты, исследования семьи в транснациональной антропологии и феминистскую теорию Люси Иригарэ, чьи работы стали классическими в направлении «феминизма различия».

Автор также справедливо замечает, что, несмотря на динамичное развитие исследований семьи и миграции как самостоятельных научных направлений в Финляндии, продуктивного диалога между ними так и не состоялось [25]. Поэтому цель своего исследования автор видит в «привнесении семейной политики и перспективы семьи в область исследований миграции и в орбиту общественно-политических дискуссий» в Финляндии [25]. Несмотря на формальное одобрение мультикультурализма, осознание разнообразия семейных культур и ценности этого разнообразия, не только формальное, но и подлинное принятие культурных различий на практике действительно является одним из «вызовов» в современной Финляндии, в частности в области социальной политики и работы.

Исследование посвящено таким темам, как трансграничные семейные отношения и организация трансграничной заботы, особенно в контексте гендерных и межпоколенных конфигураций. Сама автор определяет задачу исследования следующим образом: «Я изучаю то, каким образом русские женщины

Тийаинен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110-116. ~~организуют заботу и семейные отношения в трансграничной повседневности в Финляндии и России, а также то, с какими сложностями эта трансграничность сопряжена» [69].~~

В первой главе П. Пёллянен предлагает обзор концептуальных и контекстуальных аспектов исследования, в частности сосредотачивая внимание на различных измерениях понятия «заботы» как социального и общественного феномена, тесно связанного с телесными и эмоциональными ощущениями, благополучием и социальной динамикой внутри семьи. Автор представляет читателю одну из ключевых концепций исследования, понятие «промежуточного состояния» Л. Иригарэ (фин. «välitila», англ. «in-between space/place»). В контексте предлагаемого исследования это понятие означает как абстрактную границу, мысленное и эмоциональное передвижение между прошлой и настоящей жизнью, так и физическое перемещение между конкретными местами в Финляндии, России и между ними, например при пересечении границы [14].

На практике, пишет автор, «промежуточное состояние» может актуализироваться как в создании чего-то совершенно нового, новой динамики и формы семейных отношений, так и означать препятствия и разделительную черту, например между членами семьи. В этой главе автор также отмечает специфику трансграничного региона Северная Карелия и актуальность исследуемой темы ввиду роста браков, заключенных между русскоязычными женщинами и финскими мужчинами. Например, на 2009 г. таких пар было уже около 10 400, что составляло 33 % всех браков, в которых супруга приехала из другой страны.

Вторая глава посвящена анализу заботы и семьи в исследованиях миграции в Финляндии, в которой автор отмечает эволюцию отношения к иммигрантам как к рабочей силе в 1990-х и в начале 2000-х гг., чья социальная значимость определялась прежде всего положением на рынке труда и способностью интегрироваться в общество, к более гибкому пониманию роли иммигрантов с осознанием важности семьи и заботы как интеграционных механизмов [26]. Необходимо отметить, что в последнее время получил особое распространение термин «kotoutuminen», который можно перевести как «одомашнивание» иммигрантов.

Подчеркивается, что предыдущие исследования проиллюстрировали важность неформальной, семейной трансграничной заботы в организации межпоколенной заботы среди русскоязычных иммигрантов, как правило, женщин, из стран бывшего СССР, в частности России и Эстонии. Основной мотивацией для женщин при переезде в Финляндию зачастую выступало желание обеспечить «лучшее для детей» [29]. Заметим, что в то же время автор ссылается на исследование Мерья Анис (Merja Anis), продемонстрировавшее определенные недостатки в работе финских социальных органов защиты детей, работники которых оперируют фиксированными и негибкими понятиями культурных различий: семейная культура иммигрантов, клиентов социальных служб противопоставляется финской семейной культуре, выступающей «идеалом», к которому необходимо стремиться [28].

В целом П. Пёллянен демонстрирует, что предшествующие исследования показали позитивное или нейтральное восприятие русскими женщинами своего брака и жизни в Финляндии, несмотря на стереотипы в отношении русскоязычных женщин, в частности «тени проститутки» [31, 32].

В третьей главе автор монографии подробно анализирует понятие «промежуточного состояния» или «промежуточного пространства», исследования трансграничной или транснациональной заботы и семьи, а также особенности семейной и гендерной культуры России и Финляндии через призму предшествующей научной литературы.

Л. Иригарэ известна в феминистской теории как основоположница «этики половых различий», которая обвинялась американскими (и зачастую североамериканскими) феминистками в гендерном эссенциализме и воспроизводстве неравенства полов. В свою очередь Л. Иригарэ настаивает, что современное требование равноправия полов приводит к тотальному половому различию и «убивает» пол. В своем проекте феминистской теории и философии Иригарэ воссоздает женскую субъектность с лежащей в ее основе телесностью и множественностью. Примечательно, что именно работы этой феминистской исследовательницы послужили вдохновением для теоретического осмысления П. Пёллянен внутрисемейной и трансграничной динамики в финско-русских семьях.

Автор ссылается на утверждение Иригарэ о естественности принципа двойственности: через призму любви мужчина и женщина рассматриваются как части целого, взаимонаполняющие и впускающие друг друга в себя, не допуская при этом взаимного разрушения [34]. Автор применяет эту логику для анализа союзов, в которых две культуры пересекаются в транснациональных семьях. Взаимность и взаимопроникаемость через «промежуточные состояния» служат сердцевиной отношений и идеалом взаимной любви, о которой Иригарэ размышляет в своих работах [35].

«Промежуточное состояние» не обязательно означает переходное состояние, которое должно

Тийаинен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110–116.

~~завершиться принятием, например, финских семейных ценностей, но определенную данность~~

разнообразия и различий семейных ценностей и практик, которые одобряются членами семьи. Таким образом, «промежуточное состояние» может означать как состояние «уже нет и еще нет» (ei enää eikä vielä) [37], так и принятие различий как основы стабильности и постоянства (pysyvä tilanne) [39]. Эти разнообразные аспекты также актуализируются на различных уровнях, в практиках и понимании трансграничной заботы (yllirajainen hoiva).

На основе научной литературы, сравнивая социальные и культурные особенности заботы и семьи в российском и финляндском контекстах, автор утверждает, что если в первом случае преобладают частные семейные формы организации заботы о детях и престарелых (бабушек о внуках, взрослых детей о пожилых родителях), то во втором случае значительно большее значение играет государственный сектор.

В российских семейных реалиях заботы организуется в рамках «расширенной семьи». В современном контексте это не означает, что члены семьи «живут под одной крышей», а указывает на логику и интенсивность взаимоотношений и взаимопомощи. В Финляндии, напротив, преобладают «нуклеарная семья» и государственный сектор услуг, разделяющие ответственность. Объединяющим фактором является уход за маленькими детьми, который как в России (в том числе в СССР), так и в Финляндии в значительной степени возлагается на государственную систему дошкольного образования. Ссылаясь на работы Анны Роткирх (Anna Rotkirch), автор монографии подчеркивает существенную роль «расширенного материнства» в советском и российском контекстах, когда забота о семье и уход за детьми разделяются между матерью и бабушкой [55].

Анализируя роль отца, П. Пёллянен отмечает, что советская идеология и практика исключали отцовство и как конкретную заботу, и как эмоциональную привязанность. Вместе с тем она отмечает признаки появления новых практик и эмоционального понимания отцовства в постсоветской России наряду с укреплением патриархального наполнения образа отца как «кормильца семьи». При этом автор подчеркивает более значимую роль финских отцов и их участие в воспитании и уходе за детьми, а также культуру равноправия в финских семьях [63–65].

В заключительном параграфе главы П. Пёллянен представляет концепцию «транснациональной семьи» (в интерпретации Деборы Брайсесон (Deborah Bryceson) и Уллы Вуорела (Ulla Vuorela), чьи члены живут по разные стороны границы, но не теряют связи, а напротив, поддерживают семейные отношения и воссоздают единое «транснациональное» семейное пространство в своих повседневных практиках.

Четвертая глава посвящена такому методу исследования, как социальная этнография. Автор справедливо отмечает важность этнографической диспозиции. В рамках данного исследования автор сама изучала «полевое» пространство Северной Карелии (профессиональное, культурное и социальное), что позволило ей более глубоко и контекстуально подойти к пониманию феномена [71].

Вместе с тем следует заметить: то, что интервью проводились на финском языке, который не является родным языком для женщин, казалось, как нам кажется, на некоторых интерпретациях и эмпирических выводах исследования. То же самое можно сказать и о неиспользовании в монографии научной литературы по исследованиям российской семьи и межпоколенных связей на русском языке. Наконец, в этнографической практике нарративы не являются единственным материалом для анализа, поскольку многие культурные практики и особенно их множественные значения для индивидуума и семьи не артикулируются в речи, так как воспринимаются чем-то «естественным» и само собой разумеющимся. Для всеохватывающего и многогранного анализа трансграничной динамики автору не всегда хватало культурной и лингвистической погруженности в российский контекст (см. ниже).

Пятая, шестая и седьмая главы посвящены эмпирическому анализу и акцентируют внимание на специфичных аспектах трансграничной заботы через призму нарративов интервьюируемых женщин соответственно 1) материнской заботы и практики материнства в контексте семейных отношений, 2) прародительства, особенно заботы бабушек, и межпоколенной взаимопомощи, 3) супружества и отцовства.

В **пятой главе** при анализе мотиваций для заключения брака и переезда в Финляндию автором выделяются две группы женщин: 1) те, для кого брак являлся союзом любви; 2) те, для кого брак рассматривался в качестве преодоления сложной экономической ситуации в постсоветской Республике Карелия (и России в целом). Здесь же автор отмечает, что группы не обязательно взаимоисключают друг друга, мотивация могла включать обе составляющие [83]. Материнство в независимости от конкретной жизненной ситуации рассматривалось женщинами как позитивное изменение в жизни [87]. Материнство лежит в основе идентичности русскоязычных иммигранток, и переезд в Финляндию зачастую определялся как средство для обеспечения «лучшего для ребенка».

Тийаинен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110–116.

~~Именно в интерпретации «лучшего для ребенка», на наш взгляд, П. Пёллянен~~ недостатка погруженности в российский контекст семейных отношений. Тот факт, что женщины мотивировали свой переезд в Финляндию заботой об образовании и экономической стабильности детей, приводит автора к не совсем аккуратной интерпретации «лучшего для ребенка» с точки зрения российского контекста. Автор пишет, что «для русских матерей маленьких детей “лучшее для ребенка” связывается в первую очередь с экономическим и материальным благополучием». В «финских дискуссиях в области семейных исследований», напротив, «лучшее для детей» интерпретируется как отношения привязанности между ребенком и матерью (или другим человеком, который заботится о ребенке), и именно это понимание легло в основу как политики, так и повседневной риторики [100].

Этот, на наш взгляд, немного поспешный вывод автор монографии сама же и опровергает своими эмпирическими выводами в данной главе, в соответствии с которыми женщины, видя «центр своей жизни и усилий в своих детях» [101], связывают родительскую ответственность и «лучшее для детей» с организацией хобби и поездок для детей [101, 104], передачей «жизненных ценностей» [103], обучением детей русскому языку [102], приготовлением полезной для здоровья домашней еды [113], а также с телесными выражениями любви и привязанности, например объятиями [112].

Автор отмечает, что воспоминания о собственных бабушках, чья любовь и забота выражались в приготовлении вкусной домашней пищи, наполняют особым смыслом и значением приготовление и вкушение еды в семейной кругу [113]. Любовь и привязанность между матерью и ребенком, бабушкой и внуками воспринимаются настолько естественными в контексте семейных отношений в России, что об этом зачастую не считают необходимым говорить. Эти чувства и привязанность относятся к опыту, который невозможно выразить вербально. Вместе с тем это не умаляет, а наоборот, усиливает их значение в ощущении, что является «лучшим для детей» среди русскоязычных матерей. Общественный резонанс и эмоционально окрашенные дискуссии в России о спорных случаях опеки и изымания русских детей из семей в странах Северной Европы (в том числе Финляндии) демонстрируют, что привязанность между матерью и ребенком считается в российском контексте почти сакральной. Возможно, следовало бы учитывать этот различный уровень артикуляции «лучшего для детей» в российском и финском контекстах.

Далее, ссылаясь на гендерные практики «работающей матери» в СССР и России, привычное для русских женщин участие на рынке труда и общественной жизни, автор отмечает, что невозможность трудоустройства и активной социальной жизни воспринимаются женщинами как «изматывающий опыт». В связи с этим автор ссылается на диссертацию Ээвы Йокинен «Уставшая мать» (1996, Eeva Jokinen «Väsynyt äiti»), рассматривающей опыт финских женщин в 1990-е гг., когда многие из них из-за экономического кризиса стали домохозяйками поневоле [113].

Учитывая невозможность участия прародительского поколения из России в каждодневном уходе за детьми, неучастие или отсутствие отца в воспитании ребенка, П. Пёллянен отмечает недостаток ресурсов для организации заботы о детях, особенно среди одиноких русскоговорящих матерей в Финляндии. Чувство неопределенности может возникать и как результат маргинальной позиции на рынке труда, недостатка ресурсов для организации ухода за детьми, а также вербального и физического насилия со стороны некоторых финских супругов [128]. Незнание, каким образом взаимодействовать с социальными службами, и шантаж со стороны финского супруга могут выливаться в ощущение постоянного страха разлучения с ребенком [128].

Подводя итоги анализа материнской заботы, автор выделяет три типа организации заботы среди русскоязычных жен в Финляндии: 1) материалистский (характерный также для российской повседневности), в котором забота о детях полностью ложится на мать (и на помощь со стороны бабушек), и «лучшее для детей» становится самоцелью, в данном случае также включающий случаи насилия в семье со стороны супруга; 2) материнская забота в рамках нуклеарной семьи, в которой родительские обязанности разделяются между супругами, а необходимость в межпоколенной заботе теряет значение, в данном случае возможны счастливые союзы русских женщин и финских мужчин; 3) «промежуточное состояние» организации заботы, в котором присутствуют элементы первого и второго типов; «лучшее для детей» и взаимоотношения между супругами одинаково важны, а межпоколенная забота из-за границы является дополнительным ресурсом в организации ухода за детьми. Именно в этой группе трансграничность особенно сильно проявляется [132—135].

В **шестой главе**, посвященной межпоколенной и взаимной заботе, автор останавливается на прародительском поколении, бабушках и дедушках, которые рассматриваются как ресурс по уходу за детьми, но на определенном жизненном этапе сами нуждаются в уходе. Автор отмечает, что в контексте советской и российской семейной повседневности бабушки и дедушки (хотя и в значительно

Тийаинен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110-116. ~~меньшей степени) считали своей обязанностью практически и материально участвовать в воспитании и~~ организации ухода за внуками. Прародительство в Финляндии, напротив, не связывается с какими-либо семейными обязательствами по уходу за ребенком, бабушки и дедушки встречаются с внуками, когда сами этого хотят. Это также связано и с различными семейными практиками, «расширенным материнством» и «расширенным» пониманием семьи в России и «нуклеарным» в Финляндии, что проявляется в различных так называемых межпоколенных контрактах [160—161].

Бабушки из России продолжают участвовать в организации заботы о внуках, забирая их на летние каникулы или приезжая погостить, привозя подарки, предметы быта и продукты, которые либо дешевле, чем в Финляндии, либо доступны только в России [148]. Женщины участвуют в заботе о своих престарелых родителях, прежде всего оказывая им материальную помощь, покупая одежду, продукты, оплачивая коммунальные услуги за квартиру в России. Каждодневную помощь в случае необходимости, как правило, организуют родственники (сестры, братья и т. д.), которые проживают в России. Последнее несомненно отражает препятствия и ограничения трансграничной заботы, также и в тех случаях, например, когда ребенок заболел, а бабушка не может приехать из-за отсутствия визы [149].

Вместе с тем некоторые русскоязычные женщины включают в орбиту «расширенной семьи» родителей финского супруга, общаясь и оказывая им практическую и эмоциональную поддержку. Наряду с этим «расширенным» пониманием семьи женщины также начинают оценивать семью в соответствии с моделью финской нуклеарной семьи, выделяя «большую» и «маленькую» семьи [139]. Нам представляется, однако, что связывать это изменение только с переездом в Финляндию было бы недостаточно аккуратно, поскольку понимание семьи как «большой», включающей широкий круг родственников, и «маленькой», состоящей из матери, отца и детей, сосуществуют во взаимодействии в современных российских семейных практиках.

В **седьмой главе** автор анализирует участие финских мужчин как супругов и отцов в организации заботы в рамках семьи. Автор отмечает, что в контрасте с «безотцовскими» детьми в России (имеется ввиду отсутствие или маргинальное участие отцов в воспитании детей), финский отец выступает заботливым и активно принимает участие в уходе за детьми, в том числе через игры. Вместе с тем часть женщин, как отмечает автор, говорили о том, что отцы их детей, хоть и проживают в России, поддерживают с ними отношения и являются частью жизни детей в Финляндии. Однако отношения часто носят поверхностный характер [163]. Зачастую в таких случаях финские мужчины (отчимы) не берут на себя полных отцовских обязанностей в отношении детей, и дети находятся в «промежуточном состоянии». В семьях, в которых есть совместные дети, отцовство финских мужчин выражено как эмоционально, так и практически, и родительские обязанности разделяются достаточно равноправно.

В целом автор отмечает, что русскоязычные жены благодарны своим финским мужчинам как заботливым отцам и супругам, которым можно доверять [167]. Финский супруг для своей русской жены зачастую становится «якорем» в финском обществе, который способствует ее интеграции в общество. Особенно важным для русскоязычных женщин представляется то, что финский супруг принимает трансграничные семейные отношения и «промежуточное состояние» своей супруги. Вместе с тем случаи алкоголизма и насилия со стороны финского супруга также имели место среди интервьюируемых пар [169—170].

П. Пёллянен выделяет три группы женщин, исходя из того, каким образом русская супруга воспринимает своего финского партнера: 1) когда супруг вне зависимости от того, совместные дети или нет, восполняет позицию третьего в гармоничном семейном треугольнике (мать — дети — отец); 2) когда супруг выполняет роль надежного партнера, но не отца для детей; 3) когда и супруг, и отец отсутствуют либо физически, либо практически (женщина состоит в браке, но супруг не является ни эмоциональной, ни духовной опорой) [184—187].

Заключительная **восьмая глава** монографии подводит итоги исследования, автор предлагает три типа «промежуточного состояния» в организации трансграничной заботы и семьи.

Первый тип — «жизнь в промежуточном состоянии страха» (*elämä on pelkää välitilassa*), в соответствии с которым, как в отношении ухода за детьми, так и заботы о престарелых родителях, женщина живет в фазе «уже нет, еще нет». Отношения с супругом не ладятся, в том числе из-за проблем с алкоголизмом, физического насилия и неприятием супругом детей от прежнего брака в России. Женщина не может найти своей ниши на рынке труда. Жизнь как эмоционально, так и физически имеет место в двух местах одновременно. Оказывая материальную и практическую помощь родителям и родственникам в России, женщина, тем не менее, не получает достаточной помощи от них в уходе за детьми. В то же время родители финского супруга не оказывают поддержки в воспитании детей. В этом случае значение как нуклеарной семьи, так и расширенной теряют значение в

Тийаинен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // Studia humanitatis borealis. 2014. № 2. С. 110-116.
~~трансграничной заботе. Женщина не решается на развод, поскольку не имеет достаточно знаний~~
финской системы, например каким образом следует поступать в случае процедуры установления опеки над ребенком. С точки зрения организации заботы сложность состоит в том, каким образом задействовать государственные и индивидуальные ресурсы для организации заботы о всех, кто в этом нуждается (дети, внуки, прародительские поколения в Финляндии и России).

Автор отмечает, что «вызов» миграционной политики состоит в том, чтобы сделать «гражданские навыки» взаимодействия (в том числе с социальными органами) доступными для женщин [201]. «Промежуточное состояние» «уже нет, еще нет» означает, что женщины в основном устремлены в будущее в надежде, что ситуация изменится и супруг и его родители будут оказывать больше помощи в заботе о детях.

Второй тип «жизнь с промежуточными состояниями» (elämä välitilojen kanssa) характеризует женщин, которые значительно лучше интегрировались в Финляндии. Они с готовностью принимают «правила игры» и финские семейные практики в семейной заботе. «Промежуточное состояние» «уже нет, еще нет» также имеет место, например в отношении финских свекра и свекрови, которым женщины пытаются «скрасить» серые будни, но пока не получают от них достаточной поддержки в заботе о детях. То же самое можно отнести и к финскому супругу, которым женщина в целом может быть довольна, но хотела бы, тем не менее, большей помощи в домашних делах и в уходе за детьми. «Промежуточное состояние» среди этой группы также имеет и отчетливо позитивное измерение, в частности проявляющееся в межпоколенной трансграничной заботе: женщины, получая помощь от своих родителей из России, особенно матерей, в заботе о детях, оказывают материальную и эмоциональную поддержку своим престарелым родителям. В данной группе «промежуточное состояние» имеет как позитивные, так и более амбивалентные измерения.

Третий тип «жизнь на “новой” родине, в которой чувство “промежуточного состояния” часть жизни» (elämä «uudessa» kotimaassa, jossa välitilan tuntu on osa elämää), применителен к женщинам, которые «одомашнились» в Финляндии, и их связи с Россией становятся слабыми. Обычно эти женщины редко посещают Россию (раз в год, например) и поддерживают отношения, например, по телефону. Тем не менее, когда женщины встречают родственников, эти встречи отличаются теплотой. Однако женщины признают, что во многих ситуациях они не полностью адаптировались к финским способам воспитания детей и нормам общения с прародительским поколением. Например, они не считают правильным покупать детям слишком много вещей или давать регулярно карманные деньги и считают, что связи с прародительским поколением должны быть более интенсивными. Вместе с тем они признают, что не вполне следуют и семейным практикам России. Обычно женщины воспринимают финскую идеологию нуклеарной семьи, в которой мужчина как отец и супруг играет важную роль, а отношения с прародительским поколением теплые и близкие, что можно считать культурной особенностью российского контекста. Женщины научились признавать «промежуточное состояние» постоянным состоянием и считают это позитивным, поскольку это позволяет подойти к жизненным реалиям иным образом, нежели только в России или только в Финляндии.

Автор считает, эта третья категория представляет «идеал» транснациональной семьи, поскольку нуклеарную семью можно комбинировать с расширенной семьей, и в этом случае ненужный дуализм исчезает. Создается новый тип семьи в трансграничном пространстве [203].

Признавая ценность предложенной типологии, нам представляется все-таки необходимым отметить ее некоторые ограничения с точки зрения транснациональной антропологии. На наш взгляд, предложенная типология воспроизводит корреляцию, которую автор исследования сама же пытается деконструировать в некоторых главах монографии.

Эта типология воспроизводит следующую логику: чем более женщина погружена в транснациональные связи, тем менее она интегрируется в финское общество. Транснациональная антропология и многочисленные исследования в этой области пытались противостоять именно этой логике в исследованиях миграции с характерным для этой области методологическим национализмом. Эти исследования показывают, что практики и чувство транснациональной семейственности и транснациональная субъектность не следует измерять, например, количеством визитов. Современные коммуникационные технологии позволяют поддерживать оживленные семейные дискуссии, которые лишь подкрепляются визитами (даже если они только раз в год), хотя у транснациональных семей в постколониальном пространстве, например между Великобританией и Индией, визиты раз в год будут считаться частыми.

Антропологи задают вопрос: почему у индивидуума не может быть двух или более мест, которые он ассоциирует с домом? В этом смысле автор, с одной стороны, возможно, недооценивает

Тийайнен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110-116.

~~интенсивность (эмоциональных, практических, сознательных и подсознательных) связей с Россией в~~ третьем типе, и, с другой стороны, несколько идеализирует эту модель отношений. Кроме того, выделяя один позитивный «идеальный» тип, автор несколько противоречит избранной ею феминистской теории Л. Иригарэ, которая всеми своими работами пытается возродить ценность множественности и различия и невозможность сведения разнообразия, сложности и красоты человеческих взаимоотношений к одинаковости, т. е. к одному идеальному типу.

Вместе с тем следует признать несомненную ценность и актуальность выводов исследования, особенно в контексте Финляндии, в которой идеалом выступает нуклеарная семья и финская семейная культура. Автор убедительно иллюстрирует, что нуклеарная форма семьи не противоречит расширенной, и что различные их элементы могут привести к образованию новой, трансграничной модели семьи и заботы, обогащающей семейный и индивидуальный опыт ее членов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Все ссылки в тексте относятся к кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: Väestöliitto, Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s.

*

*

*

*

,
tatiana.tiaynen@uta.fi